

Марциал Марк Валерий

Эпиграммы М.В. Марциала

Часть 1-2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М26

М26 **Марк Валерий М.**
Эпиграммы М.В. Марциала: Часть 1-2 / Марциал Марк Валерий – М.: Книга по Требованию,
2024. – 962 с.

ISBN 978-5-519-95632-1

ISBN 978-5-519-95632-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

M. V. MARTIALIS

EPIGRAMMATA

М. В. МАРЦІАЛА

ЭПИГРАММЫ

ВЪ ПЕРЕВОДѢ И СЪ ОБЪЯСНЕНІЯМИ

А. ФЕТА.

Часть I.

МОСКВА

Типографія А. П. Мамонтова и К^о, Леонтьевскій переулокъ, № 5

1891

Считаю величайшимъ для себя счастьемъ возможность присутствовать Президенту Академіи Наукъ посвященіемъ перевода, который былъ вчернь оконченъ ко времени Всемилостивѣйшаго назначенія Вашего Высочества на эту должность. Если борьба съ причудливымъ оригиналомъ принесла съ одной стороны неисчислимыя радости, то съ другой—никто вѣрнѣе Академіи, состоящей подъ Августѣйшимъ предсѣдательствомъ Вашимъ, не способенъ оцѣнить усилій, потраченныхъ при переводѣ Марціала.

Академія, обращенная, подобно самой наукѣ, къ умственнымъ стремленіямъ всѣхъ странъ и вѣковъ, не можетъ сомнѣваться въ необходимости для всякаго народа, выступающаго на поприще общечеловѣческой науки, въ добросовѣстныхъ переводахъ классиковъ.

Конечно, переводчику въ концѣ концовъ приходится трудиться для публики, но не для наличной, а для идеальной, представительницею которой въ данномъ случаѣ является Академія. Говорю по опыту. Въ 1883 году я окончилъ сорокалѣтній трудъ перевода Горация, поступившій одновременно на судъ Академіи и публики. Академія увѣнчала переводъ Пушкинскою преміей, а въ публикѣ въ теченіи семи лѣтъ разошлось не болѣе двухсотъ экземпляровъ перевода. Я не жалею, а только объясняю, почему радуюсь возможности посвятить свой посильный трудъ Вашему Императорскому Высочеству. Не будь Марціалъ искуснымъ и тонкимъ художникомъ, никто не далъ бы себѣ труда разбирать нравственность или безнравственность его книги. Но что онъ хорошо чувствовалъ границы между дозволеннымъ и предосудительнымъ, въ этомъ легко удостовѣриться изъ его произве-

деній. Много разъ онъ старается увѣрить, что безнравственны только его стихи, а не онъ. Подходить къ такимъ тонко образованнымъ и заживо обоготвореннымъ личностямъ, какъ Цезари, нельзя было безъ нравственного омовенія, и потому самая порочность Марціала представляетъ для наблюдателя двойной интересъ: хочется посмотреть, какъ вывернется заведомо криводушный поэтъ при возжиганіи оміама передъ заведомо недостойнымъ властелиномъ. Какая сила и гибкость таланта необходимы для выхода изъ такого затрудненія съ неподражаемымъ искусствомъ Марціала! Если припомнить, что, за исключеніемъ Горация, Марціала и Пушкина, поэты въ своихъ произведеніяхъ не представляютъ выдающихся похвальныхъ стихотвореній своимъ покровителямъ, то невольно приходитъ на умъ, что ихъ молчаніе обусловлено не столько независимостью духа, сколько неумѣніемъ войти въ гостиную.

Стихотворенія на данный случай, какъ у Марціала, самый трудный родъ, что подтверждаетъ Гете, передавая извѣстное:

„Hic Rodos, hic salta“...

словами:

„Hier ist Rodos, tanze du Wicht,
Und der Gelegenheit schaff ein Gedicht“.

Замѣчательно, что всѣ упомянутые поэты обладали рѣдкой способностью брать любой предметъ въ основу стихотворенія, и намъ кажется, что, воспроизводя передъ русскимъ читателемъ многочисленные примѣры подобнаго мастерства, мы оказываемъ несомнѣнную услугу будущимъ русскимъ поэтамъ.

Пользуясь для нашей книжки предисловіемъ и ученымъ изслѣдованіемъ жизни Марціала, заимствованнымъ въ сокращеніи изъ отдѣльнаго изданія графа А. В. Олсуфьева, было бы недобросовѣстно уполнать о критической провѣркѣ графомъ нашего перевода изъ стиха въ стихъ. Безъ этой твердой руки на руль легкая лодка переводчика могла бы появиться съ многочисленными пробоинами, выйдя изъ опасныхъ шхеръ Марціала.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предпосылая нѣсколько словъ изданію полного собранія эпиграммъ Марціала, впервые появляющагося въ Россіи, мы не считаемъ себя обязанными, по примѣру издателей его на западѣ, стараться облить нашего протагониста, извинить всѣ непривлекательныя его, какъ человѣка, стороны духомъ времени, окружающею его средою, и насилуя мало къ нему примѣнимое выраженіе: *ridendo castigat mores*, ставить его чуть ли не на пьедесталъ моралиста наравнѣ съ Сенекою, Цицерономъ, Персіемъ и другими свѣтлыми — не только по дарованіямъ, но и по духу — представителями римской классической литературы.

Безстыдный льстецъ кровожаднаго Домиціана, другъ и наперстникъ презрѣннаго доносчика Регула не долженъ надѣяться въ концѣ XIX столѣтія на снисходительный приговоръ. Восхищавшіеся имъ какъ писателемъ и превозносившіе его какъ человѣка, Скалигеры, Турнебусы, Юсты Липсіи и другіе панегиристы великаго эпиграмматиста, были сынами времени, мало отличавшагося по жестокости нравовъ и вѣроломству отъ періода кесарей; новѣйшіе же издатели Марціала видимо находятся подъ вліяніемъ исторической идіосинкразіи, овладѣвшей одно время ученымъ западомъ, въ силу которой Тиверій только геніально осторожный и предусмотрительный политикъ, Неронъ — увлекавшійся идеалистъ-художникъ, Мессалина и Агриппина женщины, доведенныя до преступленія неодолимою силою аффектовъ.

Въ нашихъ глазахъ нравственный обликъ Марціала ничего не выигралъ, не смотря на многолѣтній, упорный трудъ, посвященный

на его изученіе. Для насъ онъ остается тѣмъ же неблагодарнымъ сыномъ, развратнымъ циникомъ, гнуснымъ паразитомъ, поэтомъ, творенія котораго восторженный поклонникъ Катулла, ученый Андрей Новагерра считалъ долгомъ ежегодно сжигать въ Венеціи; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ является величайшимъ мастеромъ латинской рѣчи, доведшимъ сжатость формы и вмѣстѣ съ тѣмъ полноту мысли въ своихъ стихахъ до изумительнаго совершенства; замѣчательно вѣрнымъ бытописателемъ, безъ котораго многое изъ римской жизни эпохи кесарей осталось бы для насъ, не взирая на Светонія и Діона, совершенно непонятнымъ; гениальнымъ художникомъ въ избранной имъ отрасли поэзіи, возведшимъ эпиграмму—это могущественное оружіе ума противъ грубой силы—до высшей степени совершенства и мѣткости.

Лестъ и паразитизмъ были до такой степени воплощеніемъ вѣка, въ которомъ родился Марціалъ, что онъ, въ безпристрастномъ сужденіи о своихъ произведеніяхъ (похвальная черта иногда въ немъ проявлявшаяся), никогда не считаетъ нужнымъ въ нихъ оправдываться; онъ негодуетъ развѣ только на себя, когда они ему ничего не доставляли. Развѣ Горацій и Вергилій, а изъ ближайшихъ ему современниковъ Стацій и даже Квинтиліанъ, во многомъ уступали ему въ соблюденіи этихъ, можно сказать, неразлучныхъ условій обезпеченія стихотворцевъ *ex professione*—при кесаряхъ?

Но совѣсть Марціала, повидимому, не совсѣмъ еще отуманенная оргіастической средою, въ которой онъ вращался, иногда смущается передъ отвѣтственностію на судъ потомства и даже современниковъ за картины чудовищаго разврата, воспроизводимыя имъ на каждомъ шагу, съ фізіологическою точностью и нескрываемымъ самодовольствомъ. Тщетно ссылается онъ тогда на Катулла, Марса, Педона, Геттулика, писавшихъ, по его мнѣнію, точно такъ же, какъ и онъ, для читателей, не красѣвшихъ и при зрѣлищахъ празднествъ Флоры.—Грязь, изъ которой всегда холодный, ничѣмъ не увлекавшійся Марціалъ лѣпилъ свои художественно реальные образы, ни въ какомъ случаѣ нельзя сопоставить не только съ эротикой Катулла, порнографическая неприглядность которой (никогда, впрочемъ, не доходившая до Марціаловскихъ размѣровъ) до нѣкоторой степени извинялась всецѣлымъ поглощеніемъ пѣвца Лезбіи пламенемъ чувственной любви, но даже съ факту-

рою Ювенала и Петронія. Одинаково съ нашимъ протагонистомъ неразборчивые въ выборѣ, какъ матеріала для своихъ произведеній, такъ и формъ, въ которыя они ихъ облакали, Ювеналь и Петроній стремятся къ этическимъ цѣлямъ, которыхъ у Марціала никогда не было.—Такъ аквинскій поэтъ съ негодованіемъ бичуетъ въ своихъ сатирахъ тѣ пороки, надъ которыми Марціаль только смѣется, а царедворецъ Нерона безпощадно обличаетъ въ своемъ посмертномъ романѣ всю гнусность интимной жизни своего властелина. Марціаль даже и въ послѣднихъ своихъ сочиненіяхъ тщетно старается, жертвуя своими прежними богами, снискать самой низкой лестью благорасположеніе Траяна. Главная же черта, рѣзко отдѣляющая двухъ предшественниковъ Марціала въ порнографіи, отъ послѣдняго, та, что они относятся совершенно объективно къ отталкивающимъ предметамъ своихъ описаній: они только зрители и повѣствователи—конечно, быть можетъ, слишкомъ подробные и откровенные,—тогда какъ Марціаль субъективенъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Онъ съ такимъ реализмомъ, съ такимъ знаніемъ дѣла и даже наслажденіемъ рисуется картины противоестественныхъ пороковъ, позорно заклеивившихъ чело царицы міра передъ свѣтлой зарей христіанства, что, не будь даже его собственнаго, во многихъ эпиграммахъ беззастѣнливаго, сознанія, нельзя въ немъ не признать дѣятельнаго участника въ этомъ чудовищномъ развратѣ.

Вотъ почему его порицаніе—не порока, а людей, ему предававшихся—если они при этомъ не были нужны Марціалу,—звучить только сарказмомъ и не идетъ далѣе злой насмѣшки:

Vae ridentibus

этимъ смѣхомъ, злорадный *rietus* котораго даже въ литературную декаду, отмѣченную вліяніемъ школы Зола, не безъ нѣкотораго сомнѣнія и колебанія подносится нынѣ русскому читающему и мыслящему обществу.

Гр. Алексѣй Олсуфьевъ.

ЖИЗНЬ МАРЦІАЛА.

Приведа всецѣло предисловіе графа А. В. Олсуфьева къ нашему изданію, не рѣшаемся перепечатывать всего капитальнаго труда графа о жизни и твореніяхъ Марціала, разслѣдованія, появляющагося отдѣльнымъ изданіемъ, одновременно съ нашимъ переводомъ. Весь трудъ графа представляетъ неразрывное теченіе мыслей, и печатать его съ пропусками значило бы исказать самое изслѣдованіе, а потому, отсылая желающихъ познакомиться съ его книгой, ограничимся однимъ на нее указаніемъ и только позволимъ себѣ привести конечные выводы, до которыхъ авторъ дошелъ всестороннимъ многолѣтнимъ изученіемъ предмета и критическимъ изысканіемъ. Свое разслѣдованіе графъ для большей ясности раздѣляетъ на главы, въ которыхъ послѣдовательно отвѣчаетъ на выставляемые вопросы.

Глава I.—Родина Марціала, предполагаемые его родные.—Время его рожденія.

Почерпая описаніе роднаго Марціалу города Билбилиса (слѣдуя Леонтьеву, мы въ переводѣ ставимъ Билбиль) изъ самаго Марціала, графъ говоритъ: „это былъ городокъ въ нагорной, сѣверо-западной части Тарраконской Испаніи, населенной келтиберскимъ племенемъ. Билбились живописно возвышался среди дикихъ снѣжныхъ горъ на высокой, крутой скалѣ, огибаемой небольшою, но чрезвычайно быстрою и холодною рѣкою Салономъ. Онъ былъ извѣстенъ золотыми россыпями и рудниками, желѣзо которыхъ шло на изготовленіе превосходнаго оружія, славившагося, благодаря особому свойству водъ Салона, въ которыя оно для закала погружалось, дорого цѣнимою твердостью и упругостью“. На вопросъ, были ли Фронтонъ и Флакцилла родителями Мар-

ціала, какъ утверждаютъ новѣйшіе его біографы, основываясь на 34 эп. V-й книги:

„Дѣвочку эту отецъ Фронтонъ и мать Флакцилла,
Вамъ съ лобзаніемъ я радость вручаю мою“...

— графъ полагаетъ, что это были родители дѣвочки Эротіоны, а не его; такъ какъ трудно предположить, чтобы Марціаль, не упомянувшій до появленія V-й книги въ 90-мъ году ни разу о своихъ родителяхъ, сдѣлалъ это теперь и привелъ при этомъ въ первый и въ послѣдній разъ ихъ имена только для того, чтобы вручить ихъ загробнымъ заботамъ любимую свою малютку-рабыню. О своихъ дѣйствительныхъ родителяхъ Марціаль говоритъ только разъ въ IX книгѣ, но только, чтобы выразить то малое уваженіе, которое къ нимъ питалъ:

„А обучили меня родители глупые чтенью“. (IX, 73).

Что эти родители были люди съ нѣкоторымъ достаткомъ, можно заключить изъ того, что поэтъ говоритъ о небольшомъ кускѣ земли, которымъ, вѣроятно, владѣлъ его отецъ на берегахъ Салона, и куда Марціаль съ такою страстностью помышлялъ удалиться, когда тягота жизни римскаго кліента уже слишкомъ давала ему себя чувствовать, (X, 96¹⁻⁷).

На основаніи 24 эп. X-й книги, въ которой ясно говорится, что въ день ея составленія Марціалу минуло 57 лѣтъ:

„Мартовскія мои родныя Календы,

Пятьдесятъ седьмое ужъ мы возліянье
На алтарь вашъ съ ладаномъ этимъ приносимъ“.

—окончательнымъ выводомъ является 38-й или 42-й годъ послѣ Р. Хр. годомъ рожденія Марціала. Колебаніе это обусловлено неизвѣстностью, въ которомъ изъ двухъ изданій X книги появилась X. 24.

Глава II. — Воспитаніе, прибытіе въ Римъ, тамошніе его родные, описаніе наружности Марціала, его лѣкаря.

Школа, въ которой обучался Марціаль, не ограничивавшаяся однимъ изученіемъ латыни, а снабжавшая и юридическими познаніями, находилась неподалеку отъ Билбилиса въ Тарраконѣ. Кромѣ латинской грамоты, Марціаль учился также и греческой, о чемъ свидѣлствуетъ его знакомство съ греческими образцами и частыя изъ нихъ позаимствованія. О школѣ этой поэтъ не сохранилъ хорошихъ воспоминаній и всегда искренно сожалѣлъ о бѣдныхъ дѣтяхъ, предоставленныхъ суровымъ педагогамъ, которыхъ онъ отъ души ненавидѣлъ (VIII. 3¹⁵; IX. 68¹).